

Современное бытование калмыцкого языка сквозь призму фольклорной традиции (на материале записей Т. С. Тягиновой)

The Contemporary Existence of the Kalmyk Language from the Perspective of Folklore Tradition (evidence from records of T.S. Tyaginoва)

*Б. Б. Горяева (B. B. Goryaeva)*¹

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел фольклора, Калмыцкий научный центр РАН (г. Элиста). E-mail: baira79@yandex.ru.

Ph.D. in Philology (Candidate of Philological Sciences), Senior Research Associate, Department of Folklore Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista). E-mail: baira79@yandex.ru.

Аннотация. В данной работе рассматривается язык фольклорных записей сквозь призму носителя определенного диалекта калмыцкого языка. Диалектный лексический пласт в языке сказительницы Т. С. Тягиновой отличается небольшим тематическим разнообразием, что свидетельствует о том, что язык информанта не носит ярко выраженного диалектного характера, но, тем не менее, они участвуют в формировании языковой картины мира этноса. Дальнейший анализ с привлечением более обширного фольклорного материала, записанного среди разных субэтнических групп калмыцкого народа, откроет новые аспекты изучения объединений локально окрашенной лексики как источника сведений о фрагментах региональной языковой картины мира.

Ключевые слова: калмыцкая сказка, диалект, записи фольклора, полевые записи, региональная языковая картина мира.

Abstract: The paper examines the language of folklore records from the perspective of a certain Kalmyk dialect speaker. Thematically, the dialectal lexical layer in the word-stock of the tale-teller T.S. Tyaginoва is not that diverse which testifies that the informant's language is not actually too dialectal by nature but still such lexis does influence the formation of the linguistic world-image of the ethnos. Further analyses with evidence from vast folklore materials recorded among the various Kalmyk sub-ethnic groups shall reveal new aspects in the studies of clusters of local lexis as a source of data about fragments of the regional linguistic view of the world.

Keywords: Kalmyk fairy tale, dialect, folklore records, field data, regional linguistic view of the world.

Калмыцкий язык (ойрат-калмыцкий язык) один из государственных языков Республики Калмыкия. Распространён также в Астраханской, Ростовской областях России, в Киргизии (район озера Иссык-Куль); небольшие группы носителей калмыцкого языка проживают также в Западной Европе и США (штат Нью-Джерси, Филадельфия). Общее число говорящих на калмыцком языке порядка 160 тысяч человек (2008, оценка), в том числе в России 153,5 тысяч человек (2002, перепись), в США не более 3 тысяч человек. Калмыцкий язык относится к северной группе монгольских языков. Имеет 3 говора – дербетский (дэрбэтский), торгутский и бузавский (донских калмыков) [Пюрбеев 2016].

Дербетский говор, наряду с торгутским и бузавским, представляет современное бытование калмыцкого языка [Котвич 1929; Убушаев 2006 и др.]. По мнению академика Б. Я. Владимирцова, хошуты Западной Монголии по языку принадлежат к говору алтайских торгутов, а хошуты с Волги — к говору астраханских торгутов [Владимирцов 1929]. Калмыцкие исследователи Д. А. Павлов [1968] и А. Ш. Кичиков [1963] также считали, что язык хошутов можно отнести к торгутскому говору.

Лексиколог Э. Ч. Бардаев считает, что в калмыцком языке существует четыре говора: дербетский говор (багадербетский, икидербетский и бузавинский подговоры), торгутский говор, оренбургско-уральский говор и говор иссык-кульских калмыков [Бардаев 1985: 100]. В основу литературного языка калмыцкого народа положены дербетский и торгутский говоры, имеющие несущественные отличия от бузавского [Омакаева 2010: 380].

Изучение говоров калмыцкого языка начато исследованием Н. Очирова в начале XX в. [Очиров 1910]. При этом недостаточно выявлены различия, характерные для его территориально-языковых разновидностей, о чем уже не раз отмечалось. Описаны некоторые их специфические черты на разных уровнях: фонетическом, лексическом и грамматическом [Котвич 1929; Кичиков 1963; Павлов 1968; Тенишев 1976; Убушаев 2006 и др.]. В рамках создания Национального корпуса калмыцкого языка описаны пометы, которые позволяют разграничивать материал для исследования общего и индивидуального, нормы и регионального узуса [Куканова, Очирова 2012].

Следует отметить словарь «Kalmükisches Wörterbuch» Г. Й. Рамстедта, являющийся на данный момент наиболее полным собранием калмыцкой диалектной лексики, так как многие лексемы сопровождаются пометами *D*, *T*, *Tw*, передающими принадлежность слова тому или иному говору калмыцкого языка [Ramstedt 1976]. Диалектологический материал включает более 1 405 лексических единиц, из которых 540 слов принадлежат дербетскому говору, 66 лексических единиц — торгутскому говору [Агуляева 2015].

Исследованию лексики калмыцких народных сказок, ее систематизации и классификации по лексико-семантическим группам, а также выявлению диалектных особенностей языка калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом, в период их бытования в начале прошлого века посвящена работа Т. В. Бураевой [2006].

В статье «Диалектная лексика в сказках как отражение региональной языковой картины мира» авторами проведен комплексный анализ ряда лексических объединений локально окрашенных слов в текстах сказок в записи Г. Й. Рамстедта [Баянова и др. 2015].

В настоящей работе нами предпринята попытка рассмотрения современного бытования калмыцкого языка сквозь призму фольклорной традиции на материале записей сказительницы Т. С. Тягиновой (19.11.1930 г. р.). Она с детства усваивала от родителей и других знатоков фольклорную традицию калмыков. Отец Таисии Сакиловны — Сякилов Тягн Шолдырович (1892–1942), торгут, родом из Эркетеневского улуса Ики-Цохуровского аймака, слушая сказителей и джангарчи, которых приглашали состоятельные калмыки, усвоил устную традицию народа, исполнял песни эпоса «Джангар». Мать сказительницы, Байрха Тягинова (1899–1973), искусно играла на домбре, исполняла протяжные песни, была знатоком народного устно-поэтического творчества. Материалом исследования послужили образцы калмыцкого фольклора из репертуара сказительницы Т. С. Тягиновой, опубликованные в серии «Сокровища предков» («Өвкнрин зөөр»), которая знакомит с устной традицией, освещает отдельные вопросы этнографии калмыцкого народа [2011].

На фонетическом уровне дифференциальные черты говоров следующие: наличие в дербетском гласных [o], [ø] перед губно-губными согласными, в торгутском — [y], [y] [Кичиков 1963];

употребление узкого огубленного [y] вместо торгутского [и] [Убушаев 2010]. В исследованиях ученых отмечается, что гласный [э] в калмыцких говорах является новой фонемой, так как ни старописьменный монгольский язык, ни старописьменный ойратский язык не имеют специального знака для этой фонемы. Орфографически гласный [э] на «ясном письме» передавался через букву [а] в сочетании внутри слова со знаком [i] в последующих слогах: например, *bari-* — *бар-* ('держать') [Убушаев 2010: 26]. Видимо, этим фактом можно объяснить употребление гласного [э] сказительницей Т. С. Тягиновой в словах исторически писавшихся с [а] и последующим звуком [i]: например, *һәңнүлх* сравните с *һаңньх* 'выть, визжать' [КРС 1977: 157]; *хәңцкәд* ср. *ханьцх* 'быть в близких (дружественных) отношениях с кем-л.' [КРС 1977: 576]; *әәлтә* ср. *ааль* 'каприз' [КРС 1977: 18]; *хәлсн* ср. *хальсн* 'оболочка, кожица, кожура' [КРС 1977: 572]; *хәнәхл* ср. *ханях* 'кашлять' [КРС: 576]; *әнһкәд* ср. *аньх* 'зажмуривать' [КРС 1977: 44]; *әрәхә* ср. *араха* 'раха (мифическое чудовище)' [КРС 1977: 46]; *хәльмгин* ср. *хальмг* 'калмык' [КРС 1977: 572]; *хәтәр* ср. *хатяр* 'редкий' [КРС 1977: 584]; *әнәтә* ср. *анята* 'редкий' [КРС 1977: 44]; *әльхн* ср. *альхн* 'ладонь' [КРС 1977: 39]; *тәнәд* ср. *таньх* 'узнавать' [КРС 1977: 477].

Также исследователями наблюдается образование [э] из среднего гласного [э], например, *темән* — *тәмән* ('верблюд'), *тек* — *тэк* ('козел'), *сек* — *сэк*- ('открывать'). Вышеуказанные фонетические особенности торгутского говора можно отметить в языке сказительницы Т. С. Тягиновой, также встречаются случаи употребления гласного [э] вместо среднего гласного [э]: *тэк*, *тәмән*, *сэк*.

Гласный [э] соответствует звуку, обозначенному буквой [e] в «ясном письме», ср.: *erken* 'порог', *serikü* 'просыпаться', *netür* 'укрытие' — современное написание *эркн*, *серх*, *непр*. Старописьменная гласная [e] в калмыцких говорах соответствует звуку, который нередко оказывается под влиянием последующих гласных и переходит в [ø], [y], [и] старописьменного ойратского языка (ойр. *ebügen* 'старик', *ebül* 'зима', *ešigei* 'войлок'; торг. *өвгн*, *үвл*, *ишкә*; дерб. *өвгн*, *өвл*, *ишкә*; буз. *эвһн*, *эвл*, *ишкә*). Указанное влияние последующих гласных на гласный [э] в языке Т. С. Тягиновой можно проследить на следующем примере: *өндр* ср. *эндр* 'сегодня', старописьменный ойратский *ene ödör*.

Лексические особенности торгутского говора являются довольно значительными. Из лексических диалектизм, встречающихся в языке сказительницы, можно отметить следующие: *баав* ‘мать’, *баажа* ‘отец’, *элк* ‘какой’, *элд* ‘где’, *элдэрэн* ‘куда’ и др.

Среди приведенных примеров следует отметить лексику *баав*, которая в торгутском говоре имеет значение 1) мама; 2) тетя (по отцовской линии), а в дербетском — ‘отец, папа’, и лексику *баажа*, имеющую значения 1) отец; 2) дядя; 3) старший брат [КРС 1977: 71].

При образовании множественного числа с основами на гласный звук наиболее употребителен аффикс *-с* в торгутском говоре, который нередко заменяет *-д* дербетского и бузавского говоров. Нами отмечены следующие случаи употребления аффикса *-с* множественного числа: *унһс*, *эмтс*.

Система склонения говоров калмыцкого языка, в отличие от литературного калмыцкого, имеет свои особенности. Аффиксы родительного падежа зависят от конечного звука основы и сингармонической рядности. Аффикс *-э* более свойствен дербетскому говору, аффикс *-ан* (*-эн*) — торгутскому. Последний аффикс употребляется со словами, оканчивающимися на краткий (неясный) гласный и согласный, кроме *-н*. В рассматриваемом материале нами отмечена форма родительного падежа с аффиксом *-ан* (*-эн*). Например, *саран* ‘месяца’, *Бадман* ‘Бадмы’, *гөлмэн* ‘сети’, *күрнэн* ‘хорька’, *захан* ‘воротника’, *эцкэ* ‘отца’, *үдэн* ‘полудня’.

На сегодняшний день в торгутском диалекте калмыцкого языка можно отметить сохранение формы *öde* ‘вверх, к’ направительного падежа старописьменного ойратского языка в виде аффикса *-ад* (*-эд*), ср. *ūla öde* (к горе) — *уулады*; *gere öde* (к дому) — *гэрэде* [Убушаев 2010: 17]. На материале фольклорных произведений из репертуара Т. С. Тягиновой нами также зафиксирована указанная форма направительного падежа — *герэдэн* ‘к своему дому’.

Фонетические и грамматические особенности торгутского говора, отраженные в языке Т. С. Тягиновой, указывают на территориальную отнесенность диалектной лексики. Локально окрашенные лексемы с достаточной степенью достоверности выявляют различные сегменты действительности.

Основной пласт локально окрашенной лексики, использованной информантом, образует две основные лексико-тематические группы

(далее — ЛТГ): «Природа» и «Человек». Распределение лексем по ним не является равномерным. Систематизация данной лексики во многом определена особенностями сегментации внеязыковой действительности, а также своеобразием конкретно-чувственного образа-представления, связанного в сознании диалектоносителей с реалиями территорий, на которых кочевали предки калмыков — ойраты, иначе западные монголы, издревле обитавшие в Джунгарии и западных областях Монголии.

Локально окрашенные лексические единицы идеографической группы «Природа», извлеченные из текстов, составляющих репертуар сказительницы, покрывают область животного мира. «Животный мир» составляют лексико-семантические группы (далее — ЛСГ):

- «птицы», «части тела птиц»: *богшуда* ‘воробышек’ ср. с общепринятым *богшурһа* воробей [КРС 1977: 103]; *хүмэ* ‘крыло’ ср. с *живвр* [Краткий русско-калмыцкий словарь 1969: 226].
- «дикие животные»: *бабуха* ‘летучая мышь’ ср. *бавуха* [КРС 1977: 73].

Диалектные лексические единицы по теме «Человек», представленные в рассмотренных образцах фольклора, характеризуют человека с точки зрения родственных отношений (чаще классифицирующая лексика), здоровья — нездоровья. В ЛТГ «Человек» выделяется микрогруппа «Семейные отношения»: *баав* ‘мать’, *баажә* ‘отец’.

Тексты из репертуара сказительницы содержат пласт диалектной лексики медицинской тематики, относящейся к наименованиям больных, номинации болезней. Данную ЛСГ составляют следующие лексемы:

- «болезни»: *хоохр гем* ‘оспа’ ср. *цецг гем*, *цоохр гем* [КРКС 1969: 331],
илжрң шарх ‘ветряная оспа’ ср. *цаһан алхц* [КРКС 1969: 71];
кишлг ‘краснуха’ ср. *торһн кишлг* ‘а) корь, б) краснуха’ [КРС 1977: 298], *халун дөрдг* ‘тиф’ ср. *кижс* 1) эпидемия, заразная болезнь, 2) тиф [КРС 1977: 298] и *көртгә халун гем* ‘сыпной тиф’ [КРС 1977: 319];
хальдвртә гем, *му гем* ‘заразная болезнь’ ср. *кижс* 1) эпидемия, заразная болезнь [КРС 1977: 298] и *хальдврта гем* [КРКС 1969: 171]

- «названия больных людей»: *гемэр гемнш* ‘болезнью заболевший’, *гемтэ* ‘больной’.

Диалектный лексический пласт в языке сказительницы Т. С. Тягиновой отличается небольшим тематическим разнообразием, что свидетельствует о том, что язык информанта не носит ярко выраженного диалектного характера, но, тем не менее, они участвуют в формировании языковой картины мира этноса. Дальнейший анализ с привлечением более обширного фольклорного материала, записанного среди разных субэтнических групп калмыцкого народа, откроет новые аспекты изучения объединений локально окрашенной лексики как источника сведений о фрагментах региональной языковой картины мира.

Литература

Агуляева Б. С. Изучение калмыцких говоров // Смалта. Публикации начинающих исследователей / Publications beginners. 2015. № 2. С. 95–97.

Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Элиста, 1985. 154 с.

Баянова А. Т., Бутаева А. О., Горяева Б. Б., Куканова В. В. Диалектная лексика в сказках как отражение региональной языковой картины мира (на материале записей Г. Й. Рамстедта) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XV Всероссийской научной конференции, проводимой в рамках IV Всемирного курултая башкир и посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Ф. Г. Хисамитдиновой (Уфа, 19–21 ноября 2015 г.). Уфа, 2015. С. 37–42.

Бураева Т. В. Язык калмыцких народных сказок (на материале «Калмыцких сказок» Г. И. Рамстедта): автореф. дисс.... канд. фил. наук. Элиста, 2006. 25 с.

Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929. 436 с.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык», 1977. 768 с.

Кичиков А. Ш. Дербетский говор (Фонетико-морфологическое исследование). Элиста: Калмгосиздат, 1963. 87 с.

Кичиков А. Ш. О говоре донских (бузава) калмыков // Ученые записки КНИИЯЛИ КАССР. Вып. 5. Серия: филологическая. Элиста, 1967. С. 39–51.

КРКС — Краткий русско-калмыцкий словарь. М.: Сов. энцикл., 1969. 712 с.

Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. 2-е изд. Прага: Б.и., 1929. 216 с.

Куканова В. В., Очирова Н. Ч. Общее или индивидуальное, норма или узус в Национальном корпусе калмыцкого языка: к постановке проблемы // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Мат-лы XII Региональной конференции (Уфа, 27–28 ноября 2012 г.). Уфа, 2012. С. 90–94.

Омакаева Э. У. Калмыцкий язык: история и современность // Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М., 2010. С. 375–383.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967.

Очиров Н. О. Отчет о поездке к астраханским калмыкам летом 1909 г. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1910. С. 61–75.

Павлов Д. А. Орфографический словарь литературного калмыцкого языка. Элиста, 1963. 230 с.

Павлов Д. А. Современный калмыцкий язык (фонетика и орфография) / отв. ред. Л. В. Бондарко. Элиста, 1968. 240 с.

Пюрбеев Г. Ц. Калмыцкий язык [электронный ресурс] // URL: <http://knowledge.su/k/kalmytskiy-yazyk> (дата обращения: 10.12.2016).

Рассадин В. И., Трофимова С. М. О группе переднеязычных согласных в языке дербетов Калмыкии и Монголии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 7–11.

РКС 1964 — Русско-калмыцкий словарь / под ред. И. К. Илишкина. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1964. 803 с.

Тенишев Э. Р. О языке калмыков Исык-Куля // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 82–87.

Т. С. Тягинован амн урн үгин көрнэгэс. Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 208 с. Өвкнрин зөөр (Сокровища предков). На калм. и рус. яз.

Убушаев Н. Н. Диалектная система калмыцкого языка / отв. ред. Э. У. Омакаева. Элиста: Джангар, 2006. 256 с.

Убушаев Н. Н. Проблема сложения диалектной системы калмыцкого языка и ее функционирование: автореф. дис. ... д-ра фил. наук. М., 2010. 66 с.

Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 s.